

ЯКУБ ПРОСТ

СОГЛАШАТЕЛЬ

18+

Якуб Прост
Соглашатель

«Автор»

2026

Прост Я.

Соглашатель / Я. Прост — «Автор», 2026

Павлу немного за тридцать, он - деструктор третьего класса. Один из самых благонадежных и "прозрачных" жителей Города, места, которое является воплощением разумности и целесообразности. В отдалении от Города есть другое место, которое называют Лужей - рассадник сектантской заразы, подвергающей благополучие Города опасности. Чтобы раскрыть тайну Черного солнца и дать в руки Города оружие против этой ментальной заразы, Павлу приходится погрузиться в чуждый ему мир.

© Прост Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	14
5	17
6	20
7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Якуб Прост Соглашатель

1

Оставив позади мост и городские окраины, осененные крестом типовой церковной постройки, **Павел** зашагал по трассе в сторону Лужи. Редко-редко мимо проезжала машина. Тогда Павел сходил глубже на обочину и пережидал, стараясь уберечь ботинки и штанины от грязи. Но они уже были не хороши. Хотя Павлу было немногим за тридцать, общее выраже-

ние его лица было такое, будто он прожил жизнь, — выцветшее и не способное к удивлению. Одет он был очень опрятно, неброско и при случайной встрече не запомнился бы никакой особенной чертой. Сверившись с картой на телефоне, Павел свернул на перекрестке направо. Дорога забирала немного вверх. За поворотом из кустов неожиданно выскочила среднего размера дворняга со впалыми боками и повислыми клочьями грязной шерсти. Выставив руку, Павел попятился. А когда собака три раза пролаяла и нырнула обратно в голые кусты, осторожно продолжил путь, то и дело оглядываясь. Впереди, в низине, с каждым шагом открывался обширный пустырь с полустершимися следами промышленной деятельности и заброшенной техникой; и посреди — огромный барак.

Вернее, это когда-то было баракком. Когда-то, еще в прошлом веке, это было стройное прямоугольное строение, в котором проживали по какой-то трудовой необходимости. Необходимость исчезла, но проживающие остались. Со временем число их даже стало умножаться. Барак обрастал и обрастал разномастными пристройками, которые лепились к нему со всех сторон и кособоко карабкались вверх, заползая друг на друга, утратил свою зачаточную прямоугольность, расползся, ошетинился, превратившись в исполинское, стрекочущее и шелкающее на ветру членистоногое (вроде уховертки). Это и была так называемая Лужа (местность подтапливалась и постоянно стояла в воде). От тех, кто по какой-либо надобности здесь бывал, было известно, что все помещения внутри барака связаны замысловатой системой коридоров и лестниц, которые испещряли его как муравейник.

Дорога уже спускалась к пустырю. По обе стороны потянулись деревянные мостки, под которыми чавкала не просыхающая с весны до зимы болотина. Павел прошел за железные ворота с табличкой адреса, миновал неширокий двор и, потянув визгливую дверь всю в крапинах ржавчины, оказался сначала в крохотном предбаннике, где зудела невидимая как комар лампочка. За следующей дверью, обитой клеенкой, в нос ударил густой едкий запах. По обе стороны помещения тянулись ряды полок, со стоящей на них уличной обувью, все места были пронумерованы. Кое-где виднелись разнообразного фасона тапочки. Номера на ближайшей к Павлу полке начинались с **77** (рядом с этим номером стояла пара древних калош). В конце помещения была дверь грязновато-синего цвета с полустершейся надписью, призывающей снять уличную обувь. У двери стояло несколько посередевших от времени плетеных корзин. Надпись над ними гласила: «Бахилы». Стараясь не дышать, Павел скинул ботинки и натянул сильно повытершиеся вязаные бахилы. Потом тревожно посмотрел на свои руки, поморщившись, отряхнул их и открыл синюю дверь. Павел неуклюже шел по коридору — бахилы были велики. Из-за дверей слева и справа пробивался свет, иногда доносилась тихая речь и разные звуки привычного человеческого быта. Дежурного освещения в коридоре не было, приходилось светить под ноги телефонным фонариком. В нумерации дверей нельзя было найти разумного порядка. И сам коридор вел себя беспорядочно, становясь то уже, то шире, гуляя из стороны в сторону. Его дощатые стены где-то были обиты рубероидом, где-то листами железа, где-то появлялась и кирпичная кладка. В конце коридора Павел уткнулся в низенькую дверцу, на которой не было номера. Он осторожно потянул дверцу на себя, потом от себя — она поддавалась, и Павел очутился в крохотном помещении с отхожим местом. Три небольших треугольных отверстия под потолком выходили во двор, откуда слышалось кудахтанье и воркование кур. Над ямой, прикрытой доской с овальным вырезом, висела лампочка. С другой стороны туалета была еще одна дверь. Пройдя через неё, Павел попал в заполненное клубами пара пространство. Пар с трудом уходил сквозь распахнутые окна. Угадывались исполинские горы нечистого постельного белья, уходившие хребтом в глубину помещения. На чугунных плитах, топившихся дровами, стояли закоптелые кастрюлины, в каждой из которых можно было целиком сварить корову. У одного из чанов на невысокой стремянке стояла женщина в резиновом фартуке и, прилагая немалые усилия, перемешивала кипящее белье. Обернувшись на вошедшего, она провела ладонью по лбу.

— Вам чего? — крикнула женщина сиплым голосом.

В это время в дальнем конце прачечной заскрежетала дверь и в засветившемся проеме появилась невысокая фигура с охапкой дров. Павел поспешил вернуться через отхожее место в коридор и прислушался. С той стороны скрипнули дверные петли, слышались шаги. Пытаясь скрыться, Павел дернул первую попавшуюся дверную ручку и, шагнув в темноту, больно ударился о потолок, который почему-то был ниже уровня двери. Здесь пахло лекарствами и давно немывтым телом. Включив фонарик, Павел отшатнулся. Прямо у ног стоял гроб. В гробу сидела разбуженная возней Павла старуха, уставившись перед собой глазами без зрачков и шамкая сморщенным ртом. Не успел Павел прийти в себя, как чья-то крепкая пятерня схватила и выдернула его обратно в коридор.

Его держала за руку коренастая женщина в телогрейке, от которой разносился густой смоляной запах. Из-под платка на Павла зыркнули злые недоверчивые глазки.

— Чего надо?!

Павел сбивчиво стал объяснять, что здесь когда-то жил его дед, и что от него могли остаться какие-то вещи, которые он хотел бы разыскать ради памяти. Но по лицу женщины было ясно, что она не верит ни одному слову. Пятясь, она дергала Павла за локоть.

— Давай-давай, — приговаривала она. — Проваливай.

— Вот. Вот. Посмотрите. Я вас не обманываю, — подсовывал он ей экран телефона.

— Не знаю ничего не знаю... — твердила она.

Потом, вдруг вспомнив о чем-то, она посмотрела на Павла и ухмыльнулась.

— Ладно, пойдем.

Они двинулись по коридору обратно. Проводница шагала вперевалку и тянула пойманного за рукав. Открыв одну из дверей, насельница барака пропустила Павла вперед, — тут был еще один коридор. Теперь она шла позади, как конвоир, время от времени подталкивая гостя в нужную сторону. Путь был утомительно долгим и запутанным. Повороты, плохо освещенные лестницы, еще повороты и еще скрипучие лестницы и коридорчики, и двери, бесконечные двери, из-за которых на Павла иногда настороженно выглядывали. Наконец его проводница остановилась и сказала ждать.

2

Павел оказался посреди гостиной. В центре стоял длинный стол, накрытый простой белой клеенкой, на нем лежали пластмассовые корзинки с нарезанным хлебом. Стол украшали две вазы с веточками вербы. Над столом тускло горела стеклянная люстра. Ширмы и занавески скрывали укромные уголки, из которых выглядывали комод с часами, буфет с посудой, продавленный диванчик и проч. В гостиную, помимо той, через которую Павел вошел, вели еще три двери. И было несколько проемов такого размера, что могло бы пройти небольшое животное. Повесив свою куртку на вешалку, Павел прохаживался по гостиной, осматриваясь. В одном из проемов показался кот, жирный, со слезящимися глазами. Он стал наблюдать за гостем. Внимание Павла привлекла картина приблизительно полтора на два метра, изображавшая барак. Это было то время, когда он только начинал приобретать нынешний облик. Перед баракom, как это принято на коллективных фотографиях, стояли в несколько рядов его обитатели. Лица были написаны довольно условно, без особой индивидуализации, но можно было различить мужчин и женщин разных возрастов, детей и подростков и по одежде или атрибутам догадаться о роде их занятий. Тут был и врач с большим шприцем (как в мультфильмах), и слесарь с инструментом, и экскаваторщик с маленькой моделькой экскаватора в руках, и доярка с игрушечной коровой, и повариха с кастрюлей и половником, и инженер с линейкой и циркулем и другие. Над нарисованным баракom — так сперва показалось Павлу — поднимались струи черного дыма. Но взглядевшись он с удивлением понял, что это змеящиеся лучи повисшего в самом углу картины (как рисуют дети) черного солнца. Павел так увлекся, что не заметил, как кот со слезящимися глазами подкрался к нему и крупными грязными лапами схватил за штанину. Павел дернулся от неожиданности и задел рукой стеклянную вазу, которую в самый последний момент сумел подхватить. Тут же из дальнего угла комнаты донесся чей-то смех. Павел обернулся, за занавеской мелькнуло девичье лицо. Павел отряхнул штанину и выпрямился. Из-за занавески, приняв строгий вид, вышла девушка лет шестнадцати-семнадцати на вид. Помолчав, она поздоровалась и представилась Аней. Павел представился в ответ. Аня была невысокая, с широкими плечами, уже определившимися формами груди и каким-то мальчишеским лицом, черные короткие волосы были зачесаны как у мальчика. На ней было длинное простенькое платье, которое ей не шло, движения ее были плавные, но иногда в них появлялась порывистость и неуклюжесть свойственные подросткам. Ее улыбка, которая появлялась неожиданно, была такой чистой, что ее тут же хотелось поцеловать.

— А у нас сейчас обедать будут, — сказала Аня. — Хотите руки умыть?

Павел отказался от обеда. «У меня дело». «Но руки с удовольствием бы вымыл». Аня поманила его к себе, за занавеску. Тут оказалась раковина с умывальником, под которой стоял алюминиевый таз. Поднимая носик латунного умывальника, Павел долго намыливал руки вонючим хозяйственным мылом и потом тщательно смывал. Аня глядела на его руки, не отрываясь. — Какие у вас руки белые и пальцы тонкие А у меня красноватые всегда, не знаю почему. Смутившись, Павел побыстрее стал вытирать руки полотенцем. В комнате стали появляться, постукивая тросточками старушки и старички разной степени ветхости. Они несли с собой тарелочки с приборчиками, беря под локти, приветствовали друг друга, кряхтели, рассаживаясь за столом. Было ясно, что эту церемонию можно было наблюдать в тех же подробностях ежедневно. На Павла не обращали внимания. Только Аня за его спиной, сев на корточки, увлеченно разглядывала его руки (на безымянном пальце левой руки у Павла блестело серебряное колечко). Наконец в комнату из центральной двери вошла высокая, с прямой осанкой женщина лет шестидесяти. Серые волосы были собраны на затылке в тугий пучок, под высоким лбом не прячась сверкали два умных пытливый глаза.

— Меня зовут Александра Егорьевна, — представилась женщина Павлу.

— Павел...

— У нас, видите, трапеза. Пообедайте с нами.

Александра Егорьевна властно указала ему на место, и он послушно сел. Александра Егорьевна села во главе стола.

— Аня, попроси прибор для гостя, будь добра, — улыбнулась краешками рта Александра Егорьевна.

Аня скрылась за одной из дверей.

— Так что вас привело к нам, Павел?

— Видите ли, — Павел старательно отводил глаза, — совсем недавно я узнал, что когда-то здесь жил мой дедушка, которого, я, правда, никогда не видел. И я подумал, вдруг что-то осталось от него, и как было бы хорошо хотя бы таким образом познакомиться с ним. Может быть, кто-то еще даже помнит его?

Павел обвел взглядом сидящих, но старичкам не было до него дела.

— Отец мой умер недавно. Он почти ничего не рассказывал о дедушке. У меня осталась только вот эта фотография.

И он протянул Александре Егорьевне свой телефон. Это была фотография, сделанная когда-то на простенькую цифровую мыльницу. На фоне черной двери с красной цифрой 3 стоял молодой мужчина в джинсах и замызганной рабочей куртке, расстегнутой и обнажавшей его спортивный торс. На плече висела электрогитара. Александра Егорьевна нахмурилась, отрицательно покачала головой и передала телефон старушке слева. Теперь Павел наблюдал, как телефон уплывал все дальше и дальше. Старушки и старички усиленно напрягали зрение, потом с не меньшей силой память и, не узнавая, передавали телефон. Павел мельком взглянул на Александру Егорьевну, она смотрела прямо на него, изучая. Подошла Аня и поставила перед Павлом тарелку с ложкой. Ложка легонько звякнула, когда тарелка коснулась стола. Павел опустил глаза. Это была простая суповая тарелка, белая, со скромным полустершимся рисунком цветка не совсем по центру. По широкому краю тарелки бежал желтый ободочек вьезшегося жира. Аня села, но не за стол, а на табуретку у стены. Наконец одна высохшая старуха, перед которой более молодая соседка держала телефон, зумируя изображение и вдобавок поднося увеличительное стекло, висевшее на ремешке у нее на шее, присмотревшись, коротко вздохнула и с нежным чувством, которого в силу возраста уже и нельзя было в ней подозревать, выдохнула:

— Это Назгул... Алпатыч... Эхсхаватор водил.

Все за столом переглянулись, заохали с уважением и к древности и к памяти её.

— Только Марья и помнит. Комнаты такой конечно давно нет. Да и вещей, надо думать, — заключила Александра Егорьевна.

Павел покивал головой, понимая, что на этом его «дело» и закончится. Еле приподняв немощную ручку, обтянутую кожей так, что видны были все косточки и сложив пальцы «козой», Марья продолжала вспоминать:

— Самодеятельность у нас была. Дум-металл тогда играли. Забористое было музю.

Но в этот момент одна из дверей резко, как от толчка, распахнулась и предваряемые клубами ввалившегося и поплывшего к потолку белого съестного пара появились две женщины в серых фартуках и внесли, держа с двух сторон, большую кастрюлю. Сразу запахло кухней: жареным, овощным, рыбным, кислым — всем сразу. Старенькие головки, как у птенцов, вытянулись на шеях в сторону кастрюли и с нетерпением стали следить, как поварахи разливали суп. Ритуал был неторопливый: поварахи ставили кастрюлю на пол, одна из них открывала крышку, брала половник, другая подносила тарелку и полную возвращала обратно на стол, кастрюля закрывалась крышкой, переносилась чуть дальше и все повторялось. Было много времени для разговора. Александра Егорьевна ободрительно улыбнулась Павлу и спросила:

— Чем вы занимаетесь, Павел?

Помявшись, Павел ответил:

— Не буду вводить вас в заблуждение. Я деструктор третьего класса.

Аня даже подпрыгнула на табуретке от удивления.

— Чем же конкретно сейчас вы заняты?

В тоне Александры Егорьевны промелькнули заинтересованность пополам с неприязнью. Откашлявшись, Павел отчеканил:

— Сейчас мы изымаем и утилизируем всё, что было материально создано до последнего производственного цикла. Кроме артефактов классической и более архаичных эпох, само собой. Все обновляем.

— А-а-а... Понимаю. И все-таки вы пришли сюда в поисках вещей своего дедушки.

— Это личное, — смутился Павел. — Удержание небольшого количества памятных вещей не противоречит городским правилам.

— Конечно.

Александра Егорьевна задумалась на короткое время. В этот момент ей как раз наливали суп, — выглядело так будто ее очень занимает содержимое тарелки. Но одновременно она подергивала небольшой красный камешек, висевший у нее на шее, и Павел догадался, что она задумалась о нем.

— А знаете, возможно в нашем музее что-то и сохранилось, — подняла на него глаза Александра Егорьевна. — Ешьте на здоровье, Павел. И если угодно, приходите завтра. Хранительницы сегодня нет.

Александра Егорьевна принялась есть. Павел зачерпнул ложкой суп. И прежде чем отправить в рот, заглянул внутрь тарелки. Вместе с картошкой и морковью там плавало что-то напоминающее мохнатую тараканью лапку. Павел сглотнул из-за мгновенно подкатившей к горлу тошноты, бросил ложку и метнулся к умывальнику.

— Простите, мне нехорошо...

3

Павел вышел из гостиной в коридор. Сразу за ним вышла Аня.

— Вам лучше? Я провожу вас. Пойдемте.

Аня взяла Павла за руку как ребенка и повела. Павел невольно вздрогнул при касании.

— Какой вы чувствительный. А я думала у деструктора должно быть каменное сердце.

— Переволновался. Я первый раз в Луже.

— А я не в первый раз вижу деструктора. Но в вас что-то особенное.

Павлу было неприятно, что Аня держала его руку. Его ладонь начинала потеть. Но сил освободиться не было: он все еще чувствовал легкое недомогание.

— Вообще -то у нас это называется не Лужей, а Собором.

— Да, конечно. Я знаю. Простите.

Аня вела его по лабиринту барака. Трудно было понять: тем же путем, каким он попал в гостиную или — выбирая дорогу по-своему. Теперь Павел на каждом шагу замечал кошек разнообразных мастей, размеров и возрастов. Кошки спали, забравшись на шкаф, или комод, или стул, иногда путались под ногами, привлекая внимание. Аня время от времени приседала перед какой-нибудь из них, называя по имени и интересуясь, как у нее дела. В этот момент она выпускала руку Павла, и он успевал вытереть взмокшую ладонь о штанину. Павел мучительно старался удерживать в памяти какие-то приметы пути. Кажется вот эту комнату, где стоял только стол, стул и топчан, а над столом висел испещренный черточками рисунок, Павел помнил. На столе лежали рулоны синей переводной и белой полупрозрачной рисовой бумаги, карандаши и перья, увеличительные приборы и проч. Павел попробовал задержаться у стола, жадно всматриваясь в рисунок, похожий на гигантский кроссворд, но с ячейками разного размера, нарисованный от руки. Ему сразу пришло в голову, что это детальная карта-схема барака. Но Аня уже открывала следующую дверь и тянула его дальше:

— Пойдемте! Это скучно. Я сейчас такое покажу!

Уже на выходе Павел вытащил телефон и наугад сделал фото в направлении стены со схемой. Потом вокруг стало очень темно. Павел хотел включить фонарик, но Аня строго шикнула.

— Нельзя! Разбудите!

В темноте раздавалось чье-то дыхание на вдохе переходившее в свист. Аня, силуэт которой Павел угадывал перед собой, остановилась и по последовавшему рывку ее руки Павел понял, что она сделала шаг вверх.

— Здесь высоко.

Павел задрал ногу и неуклюже, не видя, куда ее ставить, теряя равновесие, шагнул, — из-за темноты кружилась голова. Аня, встав рядом, взяла его за талию, как в танце, и уверенно повела вперед. Павлу показалось, что он почувствовал на плече Анину щеку и впервые заметил ее запах: сладковатый с примесью кошачьей мочи. В другой комнате горел свет. В углу стояла красная ширма, перед ней — диван, покрытый пестрым драным ковром. Посреди его складок шевелилось что-то бледное. Вдруг Павел понял, что это обнаженная женщина. Она лежала на боку лицом к ширме. Между ее бедер, у промежности, виднелись пальцы. Повернув на вошедших голову с заплывшими от наслаждения глазами, она, не смутившись, улыбнулась, продолжая ласкать себя. Аня вовсе не конфузясь вела Павла через комнату. Павел, прикрыв глаза рукой, пробормотал извинения. Аня только хихикнула, увлекая его дальше. Они оказались на лестнице, миновали один пролет, другой, затем лестничный проем сильно сузился, лестница круто забирала вверх, так что, карабкаясь, Павел практически прижимался грудью к высоким ступенькам. Вверху перед ним мелькали острые Анины щиколотки и хлопали пятки тапочек. Наконец Аня остановилась, толкнула наверх деревянную крышку, лестница осветилась серым уличным светом, и они выбрались на чердак-скворечник. Чердак был небольшой,

половину занимала голубятня. На другой половине стояли какие-то мешки, несколько ведер, лопата, детский столик и стульчик, валялся грязный матрас.

— Это мое царство, — сказала Аня. — Только здесь я у себя.

Пахло пылью и голубиным пометом. Распахнув две низенькие застекленные дверки, Аня вышла на балкончик с невысокими перильцами.

— Посмотрите, — пригласила Аня.

Взявшись за низкую притолоку, Павел поднырнул на балкон. Они с Аней стояли впри-тирку. На воздухе стало легче. Было довольно высоко и небезопасно, и Павел не решился отпустить притолоку. Сорвавшись, можно было пересчитать плоскости нескольких скошенных крыш и скатиться прямо в корыто с отходами, поставленное для свиней. Павел огляделся. Открывалось невеселое пространство Лужи, усеянное — словно стол деревенской веранды незначительными насекомыми — трупиками ржавой техники. Аня указывала пальцем и объясняла значение каждого объекта. Вот песчаный карьер. Там всегда стоит вода и летом можно купаться. Вот старая водонапорная башня, головастая, с длинной трубочкой-носиком, похожая на птицу (вроде пингвина). Рядом продолговатые каменные развалины. Там держали коров, но это было еще до Ани. Теперь у них хлев прямо здесь, в бараке, но туда далеко, да и неинтересно. Павел чувствовал дыхание Ани и движения ее юркого гибкого тела (тут же он подумал, что она нарочно крутится, давая ему почувствовать свое тело). Окаймлял Лужу темный сосновый лес. С противоположной стороны сквозь редкие посадки просвечивала трасса. За ней поднимались городские высотки. Среди которых самыми высокими были конечно здания Департамента правопорядка. Павел задумался.

— А в лесу у нас маслят полно — продолжала Аня.

Павел невольно задумался. Это было совсем в детстве. Стеклянные банки с серыми плотными кусочками, склизкими, не поймаешь вилкой. Вдруг Павел понял, что Аня кому-то усиленно машет. Женщина с замызганным ведром, только что высыпавшая свиньям в корыто овощные очистки, прикрыв ладонью глаза, смотрела вверх. Павел резко отклонился, интуитивно опасаясь, что его увидят здесь с Аней, и ударился затылком. Поморщившись и почесав затылок, Павел нырнул обратно на чердак.— Больно? Аня потянула его в угол, где валялся матрас, и села.— Идите, я подую. Павел стоял над Аней, глядя в ее темные, блестящие из-под лба глаза. Аня улыбнулась ему своей наивной улыбкой. Подчиняясь ее силе, Павел встал на колени и склонил голову. Аня положила на нее руки, стала дуть на затылок и гладить.

— Вот и прошло... Прошло...

Павел, будто его охватывал сон, клонился к Ане, пока его лоб не уперся в ее живот, мягкий как свежий хлеб.

— Все... все...

Аня взяла его тонкие белые пальцы и запустила себе под юбку. Пальцы побежали вглубь и коснулись неприкрытой влажной плоти, окруженной жесткими волосками. Павел поднял голову. Лицо Ани с приоткрытыми полупрозрачными губами спускалось к нему. Поцелуй был глубокий как глоток в знойный неподвижный день. Как кусочек соленого масленка — во рту Павла плавал Анин язык. Голуби ворковали, прохаживаясь по вольеру, дергали маленькими головками, прикрывали тонким веком пустые дремлющие глаза. Потом Павел встал, застегивая брюки. Аня лежала неподвижно с застывшим взглядом и улыбкой, не поправляя задранной юбки. Ничего не сказав, Павел подхватил с пола свою куртку и побежал вниз с чердака. Ботинки то и дело соскальзывали с крутых ступенек и он несколько раз чуть не покатился. Он хватался за все вокруг, отчего в ладонях остались занозы. Когда он уже спустился, как ему представлялось на первый этаж, сверху донеслось:

— Подождите! Вы заблудитесь!

Слышно было, как Анины тапки шлепают по ступенькам. Павлу захотелось во что бы то ни стало скрыться и он забился в какую-то темную щель между двух стенок. Тут можно

было передвигаться только боком. Павел упрямо пополз в надежде, что эта деревянная кишка его куда-нибудь выдавит. Действительно, вскоре он услышал голоса, глухой звон алюминиевой посуды и выполз в большой зал с угрожающе низким потолком. Между длинными рядами столов, накрытых клеенками, ходили женщины, толкая перед собой поскрипывающие тележки, и собирали оставшуюся после недавней трапезы посуду. Еще несколько женщин средних лет сидели в разных частях зала, тихо доедая свой обед. Павел, стараясь остаться незамеченным, прокрался в другой конец столовой. Здесь была открыта дверь, за ней угадывалась обстановка кухни и был виден еще один проход. Скользнув туда, Павел оказался в подсобном помещении, это был дровяник. Тут был выход во двор, но он был заперт. Сквозь щелку Павел увидел место, приспособленное для колки дров, там ходили куры. Толкнувшись в следующую дверь, Павел наконец выдохнул, радуясь удаче. За дверью была уже знакомая ему прачечная. Бесконечная стирка на сегодня закончилась, на протянутых вдоль окон жердях было развешено чистое белье, но все так же неприступно лежали горы грязного. Павел, понимая, что он у цели, пробежал прачечную, никого не встретив, через туалет попал в коридор, с которого началось его сегодняшнее блуждание, и устремился к синей двери в конце коридора. Затем он попал в прихожую, где не без облегчения обнаружил свои ботинки на том же месте, где и разувался. И вышел. Уже за воротами он перевел дух, нагнулся, оперев руки в колени, и так стоял. Из рта обильно текла слюна, которую приходилось постоянно сплевывать. Через минуту Павла стошнило.

4

По мере того как он удалялся от стрекочущего и подрагивающего чешуйками ставень и волосками антенн барака, ему становилось лучше. Только ныли, все в занозах, ладони. То и дело досадливо оглядывая себя, он понимал, что выглядит ужасно: на пыльных ботинках засохла рвота, штанины были в каком-то пуху и волосах, на черной куртке остались потертости (они появились, когда он протискивался к столовой). Мучительно он представлял, как покажется в таком виде на городских улицах, как будут на него оглядываться прохожие и что подумает консьержка в подъезде, с деланным сочувствием воскликнув: «Павел, что с вами!?!»,

чтобы потом начать плести сеть некрасивой сплетни. Подобные обстоятельства всегда угнетали его с непропорциональной действительной проблеме силой и доводили иногда до отчаяния. Но однообразный ритм пути и накопившаяся нервная и физическая усталость притушевывали эти переживания. На подходе к мосту он чувствовал себя уже почти сносно. Увидев типовую церковную постройку, которая так тепло провожала его в сегодняшнее маленькое путешествие, он направился напрямиком к ней.

Поднимаясь по сияющим мраморным ступенькам паперти, он опять вспомнил о своем виде. Ничего... ничего... — успокаивал он себя, зная по опыту, что через несколько минут по его измученным нервам разольется прозрачное, полное света умиротворение, и на время, может быть, даже до завтрашнего дня, в нем поселится тихое благостное безразличие.

И Павел решительно вошел в храм.

Охранник в церковном притворе смотрел на Павла холодно. Он отсканировал идентификационный кьюар-код, поморщился, увидев две белые полоски на электронном удостоверении, означавшие принадлежность к Отделу плановых изъятий Департамента социального равновесия, выслушал совершенно не интересовавшее его объяснение, почему Павел решил посетить службу не в своем приходе, и махнул рукой, разрешая пройти.

Уже предчувствуя освобождение, Павел входил в небольшой, но просторный, с высокими сводами, корабль храма: он весь был распахнут, светел, полон воздуха. Нельзя было найти здесь ни одного темного угла или скрывающую что-то загородку, даже алтарная преграда была не выше колена, и торжественное служение иереев было доступно. Павел нашел свободный пяточок посреди мраморного пылающего от свечей и паникадил пола и смиренно, с удовольствием, опустился на колени. Мимо проплыл коротко остриженный, улыбающийся дьякон, обходя периметр храма с каждением. Накатывали теплые волны цветочного благоухания. Павел глубоко вдохнул клубящийся ладан и наконец с облегчением выдохнул. Он стал молиться. Павел никогда не подключался к общей молитве, у него была своя собственная, он погружался в нее глубже и глубже и постоянно прояснял свою мысль, подбирая более точные выражения — так упорядочивая действительность, отраженную в своем сознании. Это была не молитва даже, а размышление. И глядя на себя со стороны в момент этого размышления он испытывал глубокое — разливавшееся и наполнявшее как пение хора все пространство — удовлетворение.

Начиналось размышление так:

"Люди слабы, постоянно вращающийся калейдоскоп мира подавляет их волю, они готовы броситься и поклониться любому идолу, их разрывают на части желания, им затмевает глаза самомнение, привязанность к собственному удаляет их от Благого Общего, привязанность к единичному — от Благого Единого. Все это препятствует ходу построения эффективного общественного механизма, цель которого привести нас к спасению и жизни вечной".

Потом следовало благодарение, иногда адресованное таинственному Благому Ему, а иногда без адресата:

"Благодарю за то, что мне дана ясность и способность видеть незначительность вещей этого мира".

Далее следовало размышление о Высшем круге: о тех, кто положил всю свою жизнь на воплощение идеалов Города, тех, чья непреклонная воля удерживала и заставляла вращаться вокруг себя, каждую на своей орбите, воли рядовых горожан:

"Только благодаря отдельным представителям нашего сообщества (при мысли о них у Павла по спине бежали мурашки), способным понести немощи остальных, мы и продолжаем еще ковылять на этой темной земле, наполненной изуверством, всякого рода искажениями восприятия себя и окружающих, заблуждениями, темными непроясняемыми желаниями, яростью, агрессией, изуверством... изуверством... изуверством..."

Тут размышление Павла запнулось из-за того, что стоящий рядом прихожанин слишком громко стал бормотать общую молитву: "Отчий дом наш, Город, место спасения! Да не войдет в тебя никакая тьма. И во мне Светом Своим изгони всякую тень и скверну..."

Павел сосредоточился и вернулся:

"Я не среди Высшего круга. Я под ним. Я его руки. Я его ноги. Я деятельный механизм его воли. Да будет воля его во мне".

После службы, обновленный, он заказал такси и отправился домой. Путь его лежал от пояса окраин, где жили в основном рабочие, к центру, где размещались дома чиновников и интеллигенции, культурные и правительственные учреждения. Два этих больших концентрических района Города разделяла широкая парковая полоса, с озерами, тенистыми аллеями, садами и проч. Здесь без видимого напряжения перемешивались жители двух районов. Рабочие, зачастую, зарабатывавшие больше чиновников были избавлены от поглощающей душу зависти, а их проживание во внешнем круге было связано прежде всего с близостью к производствам, которые были разумно удалены от их жилья. Далее располагался серый пояс, в котором могли селиться те, кому не подошла жизнь в гармонично устроенном пространстве города. Но и там люди не были лишены благ цивилизации и на некоторых условиях могли получать чистую воду и электричество. Настолько безнадежных мест как Лужа было немного. В них существовали по своим правилам и жили исключительно собственным хозяйством.

5

Оказавшись у себя, Павел первым делом сжег в домашнем крематории всю одежду, которая была на нем, включая нижнее белье, потом принял душ и остаток вечера занимался ладонями: обрабатывал антисептиком маникюрные щипчики и вынимал одну за одной занозы.

В этот раз перед сном обычный порядок мыслей заместили воспоминания обо всем произошедшем в Луже. Почему такие места, как Лужа, еще существовали вокруг города Павел понимал. В этом была целесообразность. Правительство мирилось с ними ведь там оседали всяческие маргинальные элементы. Благодаря этому Город очищался. Это был Anus Urbis. В городе оставались только те, кому по силам было прожить прозрачную и чистую жизнь, не обремененную смутной сложностью или нелепой инаковостью.

Но какое же выморочное это оказалось место! Какой убогий грязный быт! Какие несчастные люди, не сознающие глубокого ничтожества своей жизни! А эти жалкие старики, которым конечно было бы намного легче прекратить свое существование (слава богу, давно были легализованы средства для безболезненной эвтаназии), чем длить эту физическую и моральную пытку ежедневного угасания. В голове проносились темные, затхлые, набитые рухлядью, дурно пахнущие барачные комнаты и под стать им — их обитатели. И тут же в противовес этому перед глазами вставал горделивый властный образ Александры Егорьевны. С ее глубоким осмысленным взглядом и яркими отсветами просвещения на ясном спокойном лице. Таких захватывающих лиц в своей жизни Павел встречал не много. Отчего же и она там? Отчего? Не находя ответа, мысль перепрыгивала на другое. Аня. В Ане было не меньше влекущего, но оно было другого свойства. Александра Егорьевна была похожа на темный хвойный лес, мшистый, с опадом бурых иголок и прохладой укрытой в зеленой пугающей глубине. Аня была похожа на

поле полное медоносных трав, беспрестанно оплодотворяемое и родящее, его хотелось сгрести в охапку, в него хотелось проникнуть, достав журчащие в глубине ручьи, и упиться. Павел ухмыльнулся, заметив среди своих мыслей эту дурацкую поэзию, взявшуюся из какой-нибудь старой книжки. (Он посмотрел на высокий стеллаж весь уставленный последним стотомным изданием мировой классики, которое ежегодно обновлялось).

Ни в поле, ни в лесу Павел не бывал лет с шести.

Представляя Аню, ее податливую трепещущую плоть он ощущал, как низ живота становится теплым и как постепенно, с приливами крови, пробуждается желание. Павел не любил этого требовательного до чужого тепла и тела чувства и поскорее подавил его рассудочной характеристикой случившегося между ними, употребив слово *coitus*.

Павел прекрасно понимал, что после того, как его задачу признают выполненной (а горизонт этот ему казался близким), он вряд ли когда-нибудь еще встретится с Аней. Конечно, она может вдруг встать на самый разумный жизненный путь и после года проживания в фильтрационном, а затем индоктринационном лагерях войти в число горожан. И тут Павел мог бы нечаянно столкнуться с ней как исполняющий свои обязанности в ходе циркулярного изъятия. Рисовавшаяся картина нравилась Павлу: он был бы очень вежлив, подробно объяснял все права, по-дружески подсказывал какие вещи и почему лучше выбрать для удержания и т. п. Все это было замечательно. Грудь Павла вздымалась ровно и все тише, дыхание успокаивалось, постепенно уступая тело сну.

И все-таки что-то еще липло к сознанию, еле заметное, но ощущаемое, как паутинка на лице, откуда-то принесенная ветром, как неподдающаяся до мучения, до пытки, никому не нужная загадка. Это Лена. Из-за которой на судьбе Павла было поставлено некрасивое пятно. Случались в городе и такие случаи, как у него с Леной. Их разлучили не так уж давно, еще не прошло и трех месяцев. И он не переживал острого чувства утраты, болезненного ощущения отсеченной конечности. («Тоже откуда-то из книжки?» - тут же поймал себя Павел.) В последний год ее заблуждения стали особенно навязчивы, они поедали ее, и растущее между ним и Леной напряжение постоянно прорывалось в ссоры, в тягостные, ни к чему не ведущие препирания. Беда была даже не в том, что она позволила себе быть захваченной этой сектантской заразой (в конце концов сколько ни муштруй сознание — оно нет-нет да и выкинет шутку), а в том, что она не ушла, как другие, в один из этих лепрозориев (навроде Лужи), она стала *проповедовать*. Здесь! В городе! Переписывать от руки и распространять какие-то листовки с крамольными цитатками. В общем, она исключительно свихнулась. Хотя Павел и не мог нести полной ответственности за свою жену, которая была самостоятельным существом, но все же *он* выбрал эту женщину, *он* просвещал ее (по крайней мере так ему казалось). И теперь, косвенно поучаствовав в чем-то не ясном и спутанном, в чем-то что он наблюдал конечно со стороны, но никогда не мог допустить в себе и рядом с собой, — теперь он должен был сотрудничать с дознавателями и цензорами из Департамента правопорядка — людьми, сознание которых было настолько чистым и высветленным, что оказавшись там внутри, как в помещении, скорее всего оставалось бы только ослепнуть. А слепнуть Павлу не хотелось. Превыше всего он ценил целостность и благополучие своей телесной и умственной формы.

Так воспоминания о Лене, с которой он прожил несколько лет, с которой они уже строили планы на всю будущую жизнь и мыслями об участии которой он должен был бы изводиться, всегда в итоге приводили его к сожалению о собственной надломленной судьбе.

И все-таки где она сейчас? В каком-нибудь изоляторе? Спецлагере? Психиатрической лечебнице? Участвует ли она в качестве подопытной в каком-нибудь исследовании, цель которого понять природу подобных отклонений, неуместных, неприличных желаний и проч.?

Пора было засыпать. Павел запил водой две белых таблеточки. Отдал голосовой приказ закрыть шторы (в комнате было слишком светло из-за яркой подсветки агитационного мурала

на противоположной стене). И, накрывшись любимым байковым одеялом, которое неизменно удерживал от изъятия (оно хранило воспоминание о матери), уснул.

6

Весь следующий день Павел провел за сверкой отчетов с последнего изъятия. Район, где он получил долгожданную руководящую должность, был очень спокойным: сплошная интеллигенция, взрослые семейные пары, чаще без детей. Люди с уравновешенным, трезвым взглядом на Город и на себя. Изъятия (и все им сопутствующее) превращались тут в подобие товарищеской игры, где все происходит без напряжения: ведь от результата ничего не зависит. Редко-редко Павел улавливал признаки отвращения к своей предельно учтивой манере выражаться и держать себя так, чтобы ничем ни чуточку не выдать своей власти. Но на это совсем не сложно было не обращать внимания. Суть городского мировоззрения была в том, что все вещественное — не стоит суеты и переживаний. Еще рядовым сотрудником, когда он служил в менее благополучном месте, осуществляя опись изымаемого, фиксируя нарушения, выпиывая штрафы, иногда давая разрешение санитарной группе на применение силы, он становился порой свидетелем эмоций, захлестывавших рабочих людей, которые просто-напросто были морально истощены в конце очередного производственного цикла. Да, случались некрасивые, стыдные эксцессы. С тех самых пор Павел терпеть не мог практически любого внезапного проявления эмоций, их вид вызывал в нем нечто вроде зубной боли и искреннее недоумение. Закончив, Павел заглянул в календарь. Сегодня он должен был присутствовать на казни одного из старших деструкторов Службы исполнения и своего непосредственного начальника. А перед этим у него была запланирована встреча с курирующим его старшим дознавателем из Департамента правопорядка, который ждал его отчета о посещении Лужи. Павел стал обдумывать свое поведение и слова, которыми ему нужно будет воспользоваться в течение дня. Он стал вспоминать о жене, Лене — намеренно — потому что знал, что о ней пойдет разговор

у дознавателя, и хотел подготовиться: он боялся показаться незаинтересованным, даже равнодушным и тем навлечь подозрение в неблагонадежности: разве может быть благонадежным муж, который равнодушен к жене? На самом деле, наблюдая в себе это равнодушие, даже бесчувствие он одновременно сознавал и свою благонадежность — противоречия тут не было. Но Павел прекрасно понимал, что есть некоторые условности, благодаря которым формировалось поле гармоничных жизненных отношений, именно: отношений благонамеренных и благонадежных друг для друга людей, — так иногда пустота рождала из самой себя смысл. Бесчувствие было одним из обязательных атрибутов прозрачности. Чтобы успокоить небольшое волнение, он принял успокоительные капли. А через час уже стоял в кабинете старшего дознавателя. Иван Августович, так его звали, был немолод и лицом напоминал иконных аскетов, лики которых Павел видел в хранилищах архаики, удерживаемой в образовательных целях. Высокий круглый лоб пересекали три длинные морщины, под нависшими бровями темнели большие страдальческие глаза, рот был маленький, как у младенца, а заостренный подбородок подчеркивала клиновидная бородка. Он перелистывал скудные виртуальные странички Павлова доклада, где текст перемежался немногочисленными фотографиями и в процессе комментировал:

— Вы поступили благоразумно, когда не стали врать о месте своей службы. Возможно благодаря этому к вам и проявили интерес и в конечном итоге — выпустили.

Сказав это, Иван Августович улыбнулся, соединив в одно насмешку, немного сочувствия и еще что-то зловещее, но на этой глубине Павел уже был бессилён что-либо прочесть. Павел скромно кивал. Он догадывался, что именно хотел сказать дознаватель, но как-то так, будто говорили не о нем, не о его жизни и смерти. Он был будто загипнотизирован.

— Некоторые наши сотрудники, — продолжал Иван Августович, — пытались изобразить желающих обратиться. Но по-настоящему безумие не сыграешь. Любая имитация, даже очень тонкая копия — отталкивает знатока. Это как если вы увидите человека очень похожего на кого-то хорошо вам знакомого и дорогого, но с еле уловимой разницей в интонациях и мимике — вам тут же станет не по себе, даже жутко, и в конце концов подобный субъект не вызовет у вас ничего кроме отвращения.

Иван Августович помолчал, посмотрел внимательно на Павла и подытожил:

— Думаю, интерес этой женщины к вам вызван ровно теми же стремлениями, что и наши. Узнать друг о друге больше.

Павел кивал. Не пропуская слов, он оглядывал кабинет, в очередной раз поражаясь функциональности и необходимости всякой присутствовавшей здесь вещи. От спинок кресел, жесткую целесообразность одной из которых он чувствовал, до линий стола — где-то прямых, где-то плавно изогнутых (именно там, где они охватывали сидящего напротив Ивана Августовича посетителя). Источники рассеянного света были расположены так, чтобы исключить любую тень.

— Мы никогда не были заинтересованы в их уничтожении — это неэффективно, — голос Ивана Августовича, упругий и строгий в интонациях, проникал в сознание будто хорошо приточенный штафт. — Нам нужна их *тайна*. То, что привлекает в них людей. Нам нужен ответ на вопрос: почему эта зараза распространяется, несмотря на наше явное практическое преимущество и жизненное торжество во всем.

Единственное, что в кабинете как будто ничему не служило, — было вот что. Павла беспокоило это до некоторой степени, как мелкая соринка попавшая в глаз. У закрытого черными ставнями окна за спиной Ивана Августовича стоял специальный столик с изящной из черного стекла подставкой с круглыми углублениями, в которых покоились одинакового размера прозрачные колбы. В них был насыпан обыкновенный фундук. Но от колбы к колбе ядра его темнели. Так что в первой они были изжелта-белыми, а в последней почти шоколадными. Иван Августович закрыл цифровую голограмму доклада и сразу заметил любопытствующий взгляд Павла. Он встал (в руке его тут же оказалась черная блестящая трость) и подошел к столику.

Он стал доставать из каждой колбы по орешку, используя особые щипчики и складывая орехи в небольшой конверт из тонкого картона. При этом Иван Августович говорил следующее:

— Знаете ли вы, Павел, что разные степени обжарки ореха раскрывают иначе его вкус, вплоть до полной неузнаваемости. Я могу бесконечно наслаждаться этими нюансами. Аскетизм, отказ от разнообразия — учат ценить тонкие различия. Вот, например, — Иван Августович достал щипчиками орешек из первой колбочки, — совсем сырой орех А вот, — он достал орешек из той, что была посередине, — уже средней обжарки, прямо как вы.

Тут Павел невольно улыбнулся, метафора была очевидна и ему пришло в голову, что дознаватель — конечно обжарен до черноты. Хотя и был очень бледен, с нездоровой синевой во впадинах щек и глаз. Павел с некоторым внутренним удовлетворением начинал понимать, что и у этого элемента обстановки есть свое служебное назначение. Тем временем дознаватель наполнил конверт и протянул Павлу. Павел подошел и принял подарок.

— Мы разумно воздерживаемся от лишнего: в еде, питье, сексуальной жизни.

Тут дознаватель выразительно посмотрел на Павла. Павел простодушно не понял намека. Дознаватель рассмеялся по-отечески.

— Что же вы не сказали, что вы такой охотник до девиц? Почему же вы не упомянули в докладе про чудный эпизод с малышкой Аней там, на чердаке? Вы ведь и здесь проявили себя очень самоотверженно.

Павел понял, что краснеет. По голосовой команде дознавателя над столом появилась волновая голограмма, визуализирующая звуковую запись. Тут же началось воспроизведение и Павел услышал свой разговор с Александрой Егорьевной за столом. А затем голос Ани и всю сцену на чердаке.

— Вы все слышали?

Павел ощупал себя, потом вспомнил, что сжег все, что на нем было.

— Передающее устройство вмонтировано в ваше обручальное кольцо, Павел. Это для безопасности. И... вы не совершили ничего предосудительного.

Иван Августович достал из кармана небольшую синего цвета коробочку, вроде портсигара, но дознаватель конечно никогда не курил. Из коробочки, приятно, не звонко, очень мягко шелкнувшей, он достал сверкающий диск размером с ноготь большого пальца.

— Как вы думаете, женщина, с которой вы разговаривали, Верховная Мать?

— Не исключаю. — Павел пытался принять серьезный невозмутимый вид. — Это даже вероятнее всего, судя по тому уважению, которым она пользуется.

— Какое впечатление она на вас произвела?

— Это умная... образованная... знающая себе цену женщина.

Иван Августович посмотрел на трость в своей руке и трижды мелко постучал ей по полу.

— Хорошо. Идите... И отдохните хорошенько, у вас много дел, завтра вам необходимо будет посетить Музей Лужи. Наблюдайте, вы наши глаза, — речь дознавателя зазвучала неожиданно мягко.

Иван Августович протянул Павлу крохотный сверкающий диск.

— Посмотрите перед сном, думаю это немного успокоит вас. Вы, кажется, сильно переживаете из-за жены?

Павел опустил глаза. Мотнул головой. Выглядеть со стороны это могло как крайняя степень подавленности.

— Идите...

Павел уже обернулся к выходу, но его остановил прежний жесткий, проворачивающийся в голове как стальной штифт голос.

— Вы, кажется, сегодня присутствуете на экзекуции? Казнят вашего непосредственного начальника. Но место его не останется пустовать...

7

Казнь через удушение азотом — практически безболезненна. Она гуманна. Это одна из вершин городской цивилизации. Твердил про себя Павел.

В этом тихом диковатом уголке парковой зоны гуляли редко. Узкая тропинка бежала между крупных вязов и дубов к всхолмленному берегу озера. Недалеко от воды над стеклянной полусферой холла уходил в небо массивный, выполненный из серого камня монолит зда-

ния Последнего вдоха. Солнечные блики играли на стекле и, преломляясь, падали слепящими пятнами на черный отполированный до блеска мраморный пол холла. Задрав голову, можно было увидеть толстую закопченную трубу, которая венчала монолит. Вечер был свеж как утро. Глядя на воду, Павел испытывал легкую растерянность: казни были редкостью. До сих пор он не видел ни одной. Те, кому было предписано присутствовать, не торопясь собирались рядом с монолитом или в холле, все были как на ладони и многих он узнавал.

Потом все занимали места в просмотровой комнате, которую отделяло от комнаты экзекуции непроницаемое с той стороны стекло. В основном зрителями были деструкторы среднего звена, почти все ровесники Павла. Но рядом место занял человек лет шестидесяти. Павел видел его только боковым зрением, стараясь не крутить головой. От него пахло свежей влажной землей и еще чем-то сладковато-гнилостным

Наконец в комнату для экзекуции медленно ввели бледного безвольно повисшего на собственных костях человека. Кит (*так его называли за глаза*) — это было спокойное, огромное, способное подавлять одной своей нависшей над собеседником массой млекопитающее. Но сейчас на лице его было выражение детского испуга и беспомощности. Павел заметил и мелко трясущиеся руки и крупные капли пота, проступившие на висках приговоренного. Павлу было известно, что было причиной казни. Кит удерживал у себя некоторые изъятые вещи. Неблагонадежные горожане умудрялись втайне хранить их многие годы, а иногда — десятилетия. Говорили, что он использовал эти вещи в корыстных целях, иногда дарил другим высокопоставленным чиновникам (в связи с этим параллельно велось еще несколько судебных дел), иногда возвращал владельцам за определенные услуги. Но Кит отрицал все это. И на первом же заседании суда на вопрос о цели хранения преступно удержанных вещей — он отвечал только: «Они прекрасны». Конечно, в итоге, все порочащие Кита свидетельства были прояснены. Наказание было справедливым.

«В смертной казни, а равно и в эвтаназии, нет ничего ни постыдного, ни ухудшающего посмертную память о человеке». «Преступление отделяется от совершившего его — посредством правосудного наказания». «Очищенное через казнь сознание возвращается в Единое так же как и сознание самого безупречного горожанина». Павел вспоминал строки из городского Катехизиса. И наблюдал как пот выступает на висках Кита. Волосы его некрасиво слиплись — как сосульки шерсти на встреченной Павлом перед Лужей собаке.

Кита облачили в резиновый, полностью герметичный комбинезон. Затем надели маску, вроде подводной. Осталось надеть только шлем, к которому был присоединен в области рта серый, похожий на узорчатую змею, шланг (вдыхать рекомендовалось через рот). Тут Кит посмотрел перед собой — Павлу показалось, что прямо ему в глаза, хотя это было невозможно — и его губы прошептали что-то. И снова. И снова. Павел присматривался, стараясь прочитывать, что шепчет Кит. Губы его двигались медленно. Павлу стало казаться, что он повторяет раз за разом: «Не хочу... не хочу... не хочу... не хочу...». Пока наконец на него не надели шлем, не уложили на специальный стол, не закрепили руки и ноги стяжками, так что он принял образ распинаемого. «Сейчас все закончится...» — выдохнул Павел. Когда азот стал поступать в костюм, тот раздулся, как тело утопленника, выловленное из реки. Сама смерть должна была наступить за считанные секунды. Это было как вдохнуть морозный воздух, от которого тут же останавливалось сердце (так это представлялось).

Но тело Кита содрогалось и содрогалось. Павел понял, что это продолжается уже десять... пятнадцать... двадцать секунд. Тело Кита не успокаивалось. Павел невольно оглянул присутствующих — лица их были проницаемы как вода, в которую глядел перед экзекуцией Павел, и в каждом, чудилось ему, плавали поблескивающие чешуей рыбы, откуда ни возьмись, вынырнувшего страха. Заметив в Павле легкую нервозность, сосед, от которого пахло землей, спокойно заговорил:

- Некоторые рефлекторно задерживают дыхание, пытаясь прожить еще одну-две минуты.
- Сосед продолжал, склонившись практически к Павлову уху, - бывали даже случаи, что казнь за это время успевали отменить: судебные ошибки, - развел руками он. - Не волнуйтесь — как только он совершит самый малый вдох — все будет тут же кончено. Без мучений.

Сосед неожиданно похлопал Павла по руке, которая лежала на колене. Павел почувствовал холодную немного липкую ладонь этого немолодого человека. Тело Кита больше не шевелилось. Павел посмотрел на время: с начала экзекуции прошло чуть больше минуты.

После Павел снова стоял у озера. За время казни успел пройти короткий теплый дождь. На яркой траве блестели красноватые капли. По глади озера бежала легкая рябь. Над водой летали стрекозы, садились на крупные листья кувшинок. Рядом из воды выглядывали рыбы головы, рты их были открыты в надежде поймать несмышленное насекомое. В голове у Павла звучало: «Не хочу... не хочу... не хочу... не хочу...» - хотя он не слышал голоса Кита. Почему-то к горлу подступал ком. За спиной слышались шаги. Зазвучал дребезжащий голос и Павел обернулся.

- Меня зовут Савелий, а вы Павел, я зна-а-а-ю, - протянул человек, от которого пахло землей.

- Откуда?

- Сильвестр (*так звали Кита*) о вас иногда рассказывал. Он очень ценил вас как сотрудника. А я — его брат.

Савелий подал руку и Павел пожал ее. Ладонь старика была теперь сухой и потеплела.

- Да будет он счастлив в Едином, - выговорил Павел дежурную фразу. - Я восхищен вашим спокойствием.

- Теперь, когда его проступка больше не существует, мы можем радоваться за него. Я, скромный служитель этого парка, в котором вы, надеюсь, имеете удовольствие гулять, отдал ему всю свою незамутненную жизнь. И знаете что? Нет ничего более важного, чем эти деревья, они позволяют нам дышать свободно. Наш Город — это Дерево, все мы питаем его корни. Мы — перегной. Что может быть желаннее нашей судьбы.

Конечно — перегной. Теперь Павел вспомнил этот гнилостный запах, которым отдавала кроме запаха сырой земли, кожа Савелия.

- Простите, я должен идти.

Павел попрощался и зашагал по тропинке.

За спиной его из трубы монолита валил дым — это предали огню тело Кита. Казалось дым был настолько жирный, что эту часть неба будет уже не отмыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.